

литие крови»¹². Но весь духовный облик Засулич, чистота ее побуждений, готовность погибнуть за правду несомненно произвели на него очень сильное впечатление и, по-видимому, в ряду других впечатлений этого рода легли в основу важного обобщения. Психологический комплекс Алеши, толкнувший его в монастырь, полностью совпадал с психологическим комплексом молодежи «последнего времени», совершавшей «политические преступления». «Алеша избрал лишь противоположную всем дороге, но с тою же жадной скорого подвига. Едва только он, задумавшись серьезно, поразился убеждением, что бессмертия и бог существуют, то сейчас же естественно сказал себе: Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не понимаю». Точно так же, если бы он порешил, что бессмертия и бога нет, то сейчас бы пошел в атеисты и социалисты».

Положение о двух «противоположных» жизненных дорогах, возникающих на общей исторической и психологической почве, сформулировано Достоевским в самом конце его «предисловного рассказа». А сразу же после начала фабульного действия романа жизненная дорога, выбранная Алешей, начинает подвергаться все более суровым испытаниям, возникающим одновременно как бы с двух концов — исхода и перспективы — и все более приближающим Алешу к пути, которым шли молодые революционеры-народники.

Уже с первой же собственно сюжетной «книги» («Неуместное собрание») мрак мирской злобы врывается в ту светлую обитель, в которой обитал подле обретенного им источника света — старца Зосимы — юный Алеша. Одновременно он узнает, что и сам этот свет вот-вот погаснет — часы старца сочтены. Еще ужаснее сгущается вокруг него мрак в том «миру», в который — по завету старца — Алеша должен вступить. Грязный быт в доме циничного и злобного «шута» и безобразника-отца; признания-исповеди брата Дмитрия с его «низкими желаниями» и великодушными порывами, избиение им отца и угроза прикончить его; надрывная стена между Катериной Ивановной и Грушенькой; надрывные эпизоды в связи с опозоренным Дмитрием штабс-капитаном Снегиревым и, наконец, потрясая Алешу до глубины его души встреча-беседа с братом Иваном — «современным отрицателем из самых ярых», как характеризует его автор¹³, философский «бунт» Ивана (отрицание бога и бессмертия души), мотивируя который, он разворачивает перед Алешей ужасающую панораму злодейств, угнетения, притеснений человека человеком — безбрежное море человеческих мук и особенно ранящих сердце страданий ни в чем не повинных детей. «Мучаю я тебя, Алешка, — говорит при этом Иван, — ты как будто бы не в себе. Я перестану, если хочешь. — Ничего, я тоже хочу мучиться, — пробормотал Алеша». И Иван рассказывает еще один вопиющий случай из «самого мрачного времени крепостного права» — о генерале-помещике, затравившем сворой борзых на глазах матери ее восьмилетнего сына, который, играя, зашиб камнем лапу одной из любимых собак хозяина: «Генерала, кажется, в опеку взяли. Ну... что же его? Расстрелять?... Говори, Алешка!» И вот «тихий», «кроткий», никого не осуждавший Алеша «с бледною, перекосившейся какой-то улыбкой, подняв взор на брата», отвечает: «Расстрелять» — ответ, который дала бы и Вера Засулич, и все те молодые люди последнего времени, которые шли по дороге, противоположной Алешиной. «Браво!... Ай да схимник» — в восторге восклицает Иван. «Для чего ты меня испытываешь?» — с надрывом горестно воскликнул Алеша. «Ты мне дорог, я тебя упустить не хочу и не уступлю твоему Зосиму», — отвечает Иван.

Но перед лицом наиболее тяжкого испытания ставит Алешу именно сам Зосима. Почти все веровавшие в старца ожидали, что по его кончине

¹² Неизданный Достоевский. «Литературное наследство», т. 83, М., «Наука», 1971, стр. 678.

¹³ Письмо Достоевского Н. А. Любимову от 11 июня 1879 г. — Достоевский Ф. М. «Письма», т. IV, стр. 58. Разрядка здесь и далее моя.—Д. Б.